
ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

М. А. МУЛЯЛКИНА

СИЛЬНАЯ И СЛАБАЯ ВЕРСИИ ГИПОТЕЗЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ*

Статья посвящена анализу решения проблемы взаимоотношения языка и мышления, которое представлено в работах теоретиков сильной и слабой версий гипотезы лингвистической относительности Сепира – Уорфа. Учитывая бурный рост когнитивных наук и повышающийся интерес научного сообщества к исследованию познавательных способностей человека, гипотеза лингвистической относительности, обосновывающая полемичный тезис о том, что наше мышление может зависеть от форм языка, становится актуальной для изучения. Статья анализирует философский фундамент сильной и слабой версий гипотезы, раскрывая эпистемологический статус языка в концепциях Б. Уорфа и Э. Сепира с опорой на идеи трансцендентализма посредника; эксплицирует аргументацию упомянутых авторов, а также изучает теоретические основания слабой версии гипотезы, которые актуализируют систему рассуждений вышеназванных мыслителей в современной науке. Реконцептуализация аргументации Э. Сепира и Б. Уорфа с позиции когнитивных исследований дает возможность для поддержки слабой версии гипотезы лингвистической относительности.

Ключевые слова: лингвистическая относительность, когнитивизм, концептуализация, взаимоотношения языка и мышления, гипотеза Сепира – Уорфа, языковая картина мира, категоризация.

* **Для цитирования:** Мулялкина М. А. Сильная и слабая версии гипотезы лингвистической относительности в решении проблемы взаимоотношения языка и мышления // Философия и общество. 2026. № 1. С. 56–73. DOI: 10.30884/jfio/2026.01.03.

For citation: Mulyalkina M. A. The Strong and Weak Versions of the Linguistic Relativity Hypothesis in Addressing the Relationship between Language and Thought // *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*. 2026. No. 1. Pp. 56–73. DOI: 10.30884/jfio/2026.01.03 (in Russian).

Философия и общество, № 1 2026 56–73

DOI: 10.30884/jfio/2026.01.03

The paper is devoted to an analysis of the problem of the relationship between language and thought, which is raised in the works of theorists of weak and strong versions of Sapir-Whorf linguistic relativity hypothesis. Given the rapid growth of cognitive sciences and the scientific community's increasing interest in the study of human cognitive abilities, the linguistic relativity has become a topical research issue since this hypothesis justifies the polemical thesis that our thinking may depend on the forms of language. The article analyses the philosophical foundations of the strong and weak versions of this hypothesis, revealing the epistemological role of language in Benjamin Whorf and Edward Sapir's concepts based on the ideas of Transcendentalism of the Medium; explicates the arguments of these authors, and also explores the theoretical foundations for the weak version of this hypothesis, which actualize the system of thinking of the above-mentioned thinkers in modern science. A reconceptualization of Sapir and Whorf's arguments from a cognitive research perspective provides an opportunity to support the weak version of the linguistic relativity hypothesis.

Keywords: *linguistic relativity, cognitivism, conceptualization, the relationship between language and thinking, the Sapir-Whorf hypothesis, linguistic picture of the world, categorization.*

Взаимоотношения языка и мышления – одна из фундаментальных философских проблем, стратегии решения которой можно найти в философии, психологии, лингвистике, когнитивной науке, нейронауке. Несмотря на интерес разных ученых к данной теме, консенсуса по поводу места языковой способности в ряду когнитивных инструментов человеческого познания достигнуть не удалось. Вопросы о том, может ли язык оказывать влияние на когнитивные способности человека или рассматриваться как независимая часть мыслительного процесса, остаются актуальными на современном этапе исследований.

В настоящей статье мы сконцентрируемся на рассмотрении подхода лингвистического релятивизма к решению вышеназванной проблемы. Данное направление можно ассоциировать с защитой гипотезы лингвистической относительности Сепира – Уорфа, которая ретроспективно вводится в дискурс научного сообщества после докладов на Чикагской конференции 1953 г. и экспериментов Э. Леннеберга и его коллег, направленных на ее проверку. Лингвистический релятивизм мы понимаем как направление исследования в лингвистике и когнитивной науке, рассматривающее обусловленность человеческого мышления тем языком, носителем которого он является. Концепции теоретиков данного направления утверждают, что

каждый индивид имеет языковую картину мира, формирующуюся на основе различий лингвистических форм конкретного языка. Языковая картина мира может оказывать влияние на мышление индивида или же детерминировать его. Степень влияния языка на познавательный акт в работах теоретиков лингвистического релятивизма отличается, что ведет к разделению версий гипотезы. Сильная версия утверждает, что структуры нашего языка формируют наше мышление, а слабая версия говорит о возможном влиянии конкретного языка на категоризации мира.

Лингвистический релятивизм поддерживает идею о том, что индивид усваивает язык, обучаясь ему в социальных интеракциях и привлекая перенимаемый культурный опыт. Иной тезис высказывает основатель универсальной грамматики Н. Хомский. Он настаивает на биологической предрасположенности человека к усвоению языка и наличию у индивида языковой компетенции, которая реализует заложенную способность к использованию лингвистических правил для построения предложений и экспликации мысли [Хомский, Бервик 2019].

Несмотря на различные выводы концепций, подходы сосуществуют на протяжении длительного времени в лингвистике, философии, когнитивной науке, трансформируя основополагающие тезисы и методологию исследований. В статье мы рассматриваем изменения, связанные с интерпретацией способов влияния языка на мышление в исследованиях лингвистического релятивизма.

1. Постановка проблемы: сильная и слабая версии гипотезы лингвистической относительности Сепира – Уорфа

Лингвистический релятивизм как исследовательская программа представляет несколько трактовок влияния языка на мышление, которые отличаются степенью вовлечения лингвистических категорий в отображение предметного мира. Сильная версия гипотезы лингвистической относительности рассматривает язык как условие отображения реальности, подчеркивая несоизмеримость опыта индивидов, владеющих разными вербальными системами. Слабая версия также проводит отличие между опытом носителей конкретных языков, но не утверждает, что языковые картины мира индивидов несоизмеримы и не могут быть поняты без конкретных лингвистических средств. Рассмотрим подробнее каждую из позиций.

Сильная версия гипотезы лингвистической относительности подразумевает, что язык определяет условия нашего познания. Ес-

ли язык определяет условия нашего познания, то он может ограничивать область познавательных интересов индивида. Например, Б. Уорф, анализируя восприятие времени племенем хопи, говорит, что европейские физические величины в отсутствие пространственной метафоры времени в языке хопи становятся лишёнными смысла для индейцев. Поэтому, к примеру, физическая величина времени T или скорости V нуждалась бы в корректировке и введении нового понятия I , интенсивности, которая обозначала бы степень воздействия фактора на изучаемый предмет [Уорф 2003а: 216].

Слабая версия гипотезы лингвистической относительности принимает идею о том, что язык является одним из необходимых инструментов познавательного акта, работающим совместно с механизмами, участвующими в обработке предметного мира (внимание, восприятие, память). Конструируя познавательные операции, мы усваиваем различные данные среды, механизм получения которых универсален, и только затем пользуемся языком, система символов которого необходима для интерпретации восприятия и дальнейших мыслительных операций. Таким образом, слабая версия гипотезы утверждает, что лингвистические конструкции не ограничивают познавательный акт, а моделируют его. Данная интерпретация подразумевает универсальное выделение значимых событий мира, но содержит в себе возможность вербальных средств влиять на дальнейшее применение сформированных концептов в ходе рассуждения. Дж. Лакофф, например, говорит о том, что концептуальные системы, сформированные с использованием языка, хотя и различаются между собой, тем не менее «переводимы» друг в друга [Лакофф 2004]. Язык в данных концепциях не ограничивает познавательные способности индивида, а дифференцирует ход мыслительного процесса, который использует конкретные лингвистические конструкции.

Сильная версия гипотезы лингвистической относительности связывается с работами Б. Уорфа и Э. Сепира, а слабая – с работами Дж. Лакоффа, С. Левинсона, Дж. Люси, Д. Слобина и др. В настоящий момент утверждения теоретиков сильной версии гипотезы об ограничении опыта индивида языковыми конструкциями пересматриваются. Научные исследования могут быть посвящены как реконструкции аутентичных тезисов Б. Уорфа и сближению его позиции со слабой версией гипотезы [Lee 1996; Бородай 2020], так

и построению программы для исследования принципа относительности на новом фундаменте, связанном с развитием когнитивных наук.

Когнитивно-ориентированные теории переходят от лаконичного вопроса о том, как язык влияет на мышление, к поиску соотношений между лингвистическими и когнитивными инструментами. Например, современные теории лингвистического релятивизма разделяют семантический уровень языка и сформированный концепт [Levinson 2003; Лакофф 2004], пытаясь представить психический слепок познавательного акта и соотнести его с категоризацией конкретного языка. Вопрос о том, как соотносятся языковые категории с предметным миром, трансформируется в вопрос, как язык, обрабатывая уже поступившее восприятие, может участвовать в моделировании мысли о мире.

Б. Уорф и Э. Сепир, максимизируя значение языка по его отношению к мышлению и не выделяя другие когнитивные инструменты, такие, например, как память, внимание, чувственное восприятие, с которыми взаимодействуют лингвистические конструкции, рассматривают язык и мышление как единые, целостные, тождественные друг другу системы. Когнитивно-ориентированные теории, проводя различие между концептуальным уровнем, перцептивным уровнем, языковым уровнем, вводят новое объяснение феномена лингвоспецифичности, что позволяет пересмотреть концепции вышеназванных авторов.

В данной статье мы описываем эпистемологическую роль языка в процессе познания, которая разделяется сильной версией гипотезы лингвистической относительности, выделяя ее философские основания. Затем анализируем основные тезисы и аргументацию, представленную в работах теоретиков сильной версии гипотезы, а также показываем, как теоретические основания слабой версии гипотезы применяются к примерам лингвоспецифичности, отмеченным Б. Уорфом и Э. Сепиром, и позволяют пересмотреть способ влияния языка на мышление.

2. Трансцендентализм посредника как философская основа гипотезы лингвистической относительности

Вводя тезис о том, что язык конструирует категоризацию мира для носителя языка, гипотеза лингвистической относительности демонстрирует разрыв между миром самим по себе, объективным, «вещью-в-себе», и миром, который дан нам языковой реальностью.

Мир в данных концепциях уже предзадан языковой действительностью. Языковая способность в концепциях лингвистического релятивизма становится трансцендентальным механизмом конструирования мира для носителя языка. Например, мир индивида, сконструированный языком племени пираха, будет отличаться от мира, который сконструирован языком племени хопи или любым из европейских языков. Опыт субъекта направляется конкретным языком и формируется, исходя из вербальных форм.

Мы должны сделать важную корректировку в применении метафоры трансцендентализма к идее лингвистической относительности. Трансцендентализм рассматривает универсальные познавательные структуры человека, которые находятся в очищенном от эмпирической и теоретической реальности рассудке и разуме субъекта. Для того чтобы продемонстрировать специфику трансцендентального конструирования мира, которое вводится идеей лингвистической относительности, мы согласимся с мнением М. А. Смирнова и обратимся к его статье.

В работе автор противопоставляет идеи «лингвистического кантианства» об определяющей роли языка в мышлении аутентичным тезисам кантовского трансцендентализма и предлагает называть первые «трансцендентализмом посредника» или «лингвистическим трансцендентализмом» [Смирнов 2018: 43]. «Трансцендентализм посредника» производит поиск универсальных познавательных структур в самом посреднике, который обеспечивает конструирование познавательного акта, а трансцендентализм И. Канта, или «трансцендентализм субъекта», как он назван в статье, проводит различие между законами логики, законами рассудка и языковым их выражением, закрепляя за первыми активацию познания трансцендентального субъекта [Там же: 40–42].

Позиция лингвистического релятивизма в свете данных идей становится близка «трансцендентализму посредника», ведь языковая способность для последователей направления является продуктом культурно-исторического развития и языковой опыт субъекта становится инструментом, определяющим и активирующим познание. М. А. Смирнов показывает широкий охват позиций, которые могут называться «лингвистическим кантианством» или «лингвистическим трансцендентализмом». Например, и гипотеза лингвистической относительности [Там же: 34], и идеи философов-аналитиков Л. Витгенштейна, Р. Карнапа, У. Куайна [Там же: 33] разделяют тезис об определяющей роли языка в познании. Вопросы о кор-

ректности отражения действительности посредством языковых категорий, о совпадении лингвистических и логических категорий в аналитической философии становятся необходимым предметом для проведения философского исследования и также важны для лингвистического релятивизма.

Идеи о языке как посреднике, который обеспечивает познавательный акт, построили не только исследования, выполняющиеся в русле аналитической философии. Данные тезисы уходят вглубь к философам Просвещения, например Дж. Локку, а также немецкой философии, одним из ярчайших представителей которой считается В. фон Гумбольдт, чьи работы являются знаковыми для построения проекта лингвистического релятивизма. Понимая язык как непосредственную деятельность по созданию духа, он утверждает, что языковая способность определяет, как человек мыслит о мире: «Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [Гумбольдт 2000: 80].

Идеи В. фон Гумбольдта получают рецепцию в работах лингвофилософа Л. Вайсгербера, который вводит важнейший для направления лингвистического релятивизма термин «языковая картина мира», способствуя развитию мысли о специфической концептуализации реальности средствами языка: «...члены одного языкового сообщества постепенно приходят к однородному познанию при помощи однородных форм, а тем самым – к согласию в мышлении» [Вайсгербер 2004: 126].

Й.-Г. Гадамер, перенимая тезисы В. Гумбольдта, при описании языковой способности человека высказывает позицию о различии «языковых оттенков» мира, которые усваиваются носителем определенного языка, закрепляя за языком статус посредника между предметным миром и человеком. Не мир дается человеку в языке, а язык позволяет схватывать этот мир, язык позволяет выделять то, что важно и необходимо для достижения взаимопонимания между людьми сообщества: «...то, что является предметом познания и высказывания, всегда уже окружено мировым горизонтом языка» [Гадамер 2000: 520]. М. Хайдеггер, пытаясь найти «путь к языку» и вывести сущность языковой способности индивида, также обращается к воззрениям В. фон Гумбольдта, но пытается не понять сущность языковой способности в ее отношении к индивиду, а проло-

жить путь для демонстрации языка самого по себе, осветить его сущностную природу. Язык, по мнению М. Хайдеггера, – это сказ, довлеющий над индивидом.

Можно увидеть, что философские идеи поддерживают тезис о влиянии языка на мыслительный процесс. Данные тезисы связаны с трактовкой языка как средства, конструирующего акт познания, и близки пониманию эпистемологической роли языка, которую рассматривают Э. Сепир и Б. Уорф. Мы, вслед за М. А. Смирновым, продолжим называть такой взгляд трансцендентализмом посредника. Для рассмотренных философов, а также Б. Уорфа и Э. Сепира, язык становится опорой для получения знаний о мире, выстраивающей опыт носителя в соответствии с вербальными средствами конкретного языка. Аргументация, эксплицированная из работ теоретиков сильной версии гипотезы лингвистической относительности, представленная в следующей части, покажет, как именно реализуется идея трансцендентализма посредника в лингвистических концепциях.

3. Аргументация концепций Б. Уорфа и Э. Сепира

В данной части статьи нас будут интересовать две самые известные в научной среде концепции, обсуждение которых ведется до настоящего момента и поднимается, к примеру, в работах С. Ю. Борода [2020; 2025], П. С. Куслия и Е. В. Востриковой [Вострикова, Куслий 2020; Куслий 2023], – концепции Э. Сепира и Б. Уорфа. Теории вызывают бурную реакцию научного сообщества в момент своего появления и влияют на дальнейшие лингвистические и когнитивные исследования. Данные концепции демонстрируют лингвистические способы работы с проблемой взаимоотношения языка и мышления и преодолевают инкапсуляцию лингвистического исследования на языковом элементе, выводя рассмотрение проблемы к исследованию психологических, когнитивных аспектов языковой деятельности индивида [Алпатов 2015: 12].

Работы Э. Сепира и Б. Уорфа в научном сообществе связываются с постулированием сильной версии гипотезы лингвистической относительности. К примеру, Д. Эверетт при формировании концепции о влиянии культуры на грамматику языка критиковал тезис о жесткой детерминации языком мышления, проводя линию демаркации между аргументацией своей концепции и системой рассуждений Б. Уорфа [Everett 2013: 263–267]. Если же интерпретировать тезисы Б. Уорфа и Э. Сепира с учетом появившихся позд-

нее исследований о концептуализации, языковой семантике и их соотношении, можно увидеть, что сильная версия гипотезы лингвистической относительности в работах авторов сформирована не так отчетливо. Более того, последние содержат в себе и указания на универсальные принципы устройства языка и мышления. Несмотря на пересмотр теоретических оснований гипотезы, происходящий в настоящее время, утверждение о языке как посреднике, конструирующем представления о мире, в работах Э. Сепира и Б. Уорфа занимает главное место.

Рассмотрим аргументацию Э. Сепира, использованную для подтверждения тезиса о влиянии языка на мышление и закреплении за языком роли посредника в познавательном акте. В известной монографии «Язык» исследователь понимает язык как заранее подготовленный путь или шаблон, который определяет символическую концептуализацию реальности. Данная символическая реальность – исторически сложившаяся категориальная сетка, которую усваивает каждый индивид в процессе социальной интеракции [Сепир 1993в: 100]. Более того, язык появляется на исторической линии раньше, чем мышление [Там же: 36–38]. Он представляет собой созданную до индивида систему классификации явлений, которая не пересматривается индивидом, а сразу же усваивается, давая возможность решать задачи с ее использованием. Более того, как отмечает Э. Сепир в статье «Бессознательные стереотипы поведения в обществе», грамматические конструкции сразу же используются, но несут в себе неизмеримо больший смысл, чем все остальные подсистемы языка [Сепир 1993а: 602–604]. В статье «Грамматист и его язык» Э. Сепир применяет метафору геометрической системы к языку: каждый язык представляет собой систему, в которой задачи будут решаться с использованием конкретных символов, а соответственно, они будут иметь различное решение в зависимости от выбранной нами системы [Его же 1993б: 252]. Грамматический компонент языка становится для Э. Сепира важнейшей составляющей языка, выполняющей задачу связывания слов в законченное суждение и моделирования речевого поведения [Его же 1993в: 71].

Таким образом, по мнению Э. Сепира, язык является активной познавательной единицей мышления, которая определяет классификацию и категоризацию реальности, создавая опыт субъекта. Более того, субъект пользуется данным инструментом автоматиче-

ски, не осознавая, что сам посредник определяет получение знаний о мире. Язык в концепции автора становится активным началом познания, что сближает рассуждения автора с рассмотренными идеями трансцендентализма посредника.

Известный пример Э. Сепира: «The farmer kills the duckling», который содержит в себе пять слов, но имеет 13 отношений внутри себя, благодаря лишь формообразующим свойствам нашего языка (например, окончание, суффиксы, расстановка слов) становится демонстрацией влияния языка на смысл, отражающийся в мышлении индивида. Мы не осознаем все 13 отношений, а автоматически используем их, и образуя смысл предложения, и сразу же классифицируя реальность [Сепир 1993в: 86].

Стоит отметить, что в концепции Э. Сепира внеязыковое мышление не признается: мышление индивида происходит только в языке, так как представляет собой оперирование символами, а любое мышление, включая и творческое, будет оперировать символами. Вместе с тем Э. Сепир подчеркивает универсальность некоторых принципов языка; например, в монографии «Язык» можно встретить высказывание о фундаментальности и универсальности разделения имени и глагола во всех языках мира [Там же: 116].

С тезисом об отсутствии внеязыкового мышления не согласен Б. Уорф, ученик Э. Сепира. По мысли первого, младенцы могут мыслить, а это значит, что мысль без языка возможна. Хотя Б. Уорф предстает в научной литературе как сторонник сильной версии гипотезы лингвистической относительности, современные исследования, например работы П. Ли, Дж. Люси, С. Ю. Бородая, пытаются очистить теоретическую модель Б. Уорфа от детерминистских прочтений, приближая объяснение автора к современной парадигме когнитивных исследований языка.

По мнению Б. Уорфа, языковые категории заставляют индивида идти по пути расчленения реальности, которую представляют нам сами [Whorf 1956]. Вместе с тем человек не осознает влияние вербальных средств вследствие автоматического использования конструкций в речи, что роднит высказывания Б. Уорфа с трансцендентальной парадигмой. Категоризация в языках различна, например принадлежность к определенной части речи в языке хопи и индоевропейских языках отличается. Такое явление, как молния, будет классифицироваться в языке хопи как глагол, хотя в индоевропейском языке оно будет выступать существительным [Уорф 2003а: 213]. В концепции Б. Уорфа присутствует весомый тезис о

различии логических категорий языков: концентрация на описании действия и внедрение субъекта в само действие в языке нутка говорит о том, что универсальная аристотелевская логика не будет действовать в мышлении носителей языка [Уорф 1960].

Данные примеры могут свидетельствовать о том, что Б. Уорф защищает сильную версию гипотезы лингвистической относительности. Утверждая, что язык определяет категоризацию реальности и распространяет эту классификацию на знания индивида, формируя его опыт, Б. Уорф воплощает идеи лингвистического трансцендентализма, так как рассматривает язык в качестве активного посредника между человеком и миром.

Вышеназванные концепции имеют сходство в способе анализа языковых фактов и их интерпретации. Методология работы авторов заключается в дескриптивном изучении языковых конструкций, описании их интерпретации в мышлении и установлении смысловых различий между схожими конструкциями в языках. К примеру, на язык нутка предложение европейского языка «Камень падает вниз» можно перевести как «камнит вниз» [Сепир 1993в: 154–155]. Европейские языки разделяют процесс падения и объект, который выполняет действие, при помощи языковых форм, язык нутка же считает такое деление избыточным и демонстрирует «монистический взгляд на природу, который порождает только один класс слов для всех видов явлений» [Уорф 2003а: 213]. Таким образом, компаративный анализ языковых фактов дает основание утверждать, что вербальные средства формируют разные представления о мире у носителя языка нутка и носителя европейского языка. В статье Е. В. Востриковой и П. С. Куслия данная концепция вследствие описанной методологии называется статической [Вострикова, Куслий 2020: 120].

Продемонстрированная аргументация концепций Э. Сепира и Б. Уорфа показывает, что авторы рассматривают язык как посредник между миром и познающим субъектом. Язык поддерживает категоризацию явлений мира, которую использует индивид. Данный «шаблон» влияет на то, как представлена реальность в мышлении. Более того, действие языка как средства познания человеком не осознается вследствие нерелексивного применения вербальных форм для трактовки событий мира. Данные утверждения позволяют отнести концепции авторов к сильной версии гипотезы лингвистической относительности. Современные же исследования, разделяя перцептивный и языковой уровни, находят новые объяснения

для фактов, которые отмечены Б. Уорфом и Э. Сепиром. Смена исследовательской стратегии позволяет интерпретировать концепции Б. Уорфа и Э. Сепира с позиции слабой версии гипотезы лингвистической относительности.

4. Интерпретация аргументов Э. Сепира и Б. Уорфа о способе влияния языка на мышление в когнитивных исследованиях

Когнитивный подход разделяет перцептивный уровень и лингвистический уровень при анализе проблемы лингвистической относительности. Язык становится средством описания поступающих перцепций в процессе обработки восприятия, а не средством познания мира, определяющим опыт индивида. Например, С. Левинсон, исследуя концептуализацию пространства в языках, замечает, что язык необходим для кодирования и формирования понятий. Лингвистические конструкции действуют после «ввода» основной перцептивной информации, обрабатывая поступающие данные и релевантно соотнося их с семантическими параметрами языка. Верно и обратное: если в семантике нет определенных параметров, индивид не будет склонен автоматически выделять это событие. Например, «носители английского или голландского языка не кодируют пространственные сцены в абсолютных координатах» [Levinson 2003: 302], так как это явление не свойственно языкам. Слабая версия не отвергает влияния языка на мышление, а делает концептуальные сферы языков различными, но соизмеримыми.

Новые теоретические основания, рассматривающие язык как способ кодирования и соотнесения перцепций, применяются и для реабилитации концепции Б. Уорфа. П. Ли и С. Ю. Бородай восстанавливают аргументацию автора, применяя концептуальные основания, которые демонстрирует когнитивный подход к языку. П. Ли рассматривает в своей работе механизм восприятия, который постулирует Б. Уорф в своих работах. К примеру, как отмечает исследовательница, важнейшими для Б. Уорфа терминами становятся «изоляты опыта» и «изоляты значения» [Lee 1996: 30]. «Изоляты опыта» становятся перцептивным восприятием, а «изоляты значения» – языковой референцией для перцептивного восприятия. Тогда можно пересмотреть объяснение Б. Уорфа о том, как язык влияет на мышление. Мы думаем о реальности по-разному не потому,

что язык коррумпирует восприятие и не дает возможности видеть мир без своего влияния, а потому, что, соединяясь с уже поступившим восприятием, он предоставляет свои формы для его изложения и интерпретации.

Поэтому, как говорит С. Ю. Бородай, саму лингвистическую относительность нужно делить на несколько частей: наши универсальные перцептивные механизмы структурируют опыт реального мира, но приобретают смысловую реализацию и концептуализацию в сознании человека при помощи языка [Бородай 2020: 53].

Тогда известный пример Б. Уорфа о различии в понимании времени индейцами племени хопи и носителями индоевропейских языков можно прочесть следующим образом: носители языков SAE и языка хопи воспринимают время идентично, для них это нечто, что постоянно становится позднее. Но вместе с тем, используя определенный язык, который становится данностью опыта и не рефлексивируется, носители структурируют языковую категорию времени по-разному: европейские языки делают это через соотношение с пространственной метафорой вследствие организации грамматического аппарата языка, индейцы племени хопи же не связывают время с пространством преимущественно из-за того, что грамматический строй языка не поддерживает и не выделяет формальное различие времен.

Для того чтобы проиллюстрировать специфику современных исследований в интерпретации способов влияния языка на мышление, мы также упомянем исследование С. Ю. Бородаю. Автор понимает язык как структуру, обеспечивающую категоризацию концептуальных репрезентаций [Там же: 567]. С. Ю. Бородай отмечает, что лингвоспецифичной нужно считать «ментальную модель, слуховую модальность, моторную систему, жестикуляцию, воображение, внимание, пространственную репрезентацию, категоризацию, счет, порождение речи, обработку языка и аффективную сферу» [Там же: 578].

Проведенный масштабный анализ данных из области когнитивной лингвистики, психолингвистики, психологии, антропологии дает основание С. Ю. Бородаю утверждать, что перечисленные выше операции могут испытывать влияние определенного языка в связи с высокой степенью вовлечения языковых структур в моделирование мыслительного акта. Язык в концепции рассматривается как механизм символизации и категоризации, который соотносит

явления внешнего мира и их ментальное представление посредством фонетических, лексических, грамматических, морфологических средств, давая возможность создавать определенную модель рассуждения носителю языка. Поэтому когнитивные операции будут происходить с учетом уже имеющейся и заготовленной системы средств для интерпретации данных. Язык обеспечивает психическую трансформацию внешнего опыта мира в индивидуальный опыт человека, говорящего на определенном языке.

Мы должны отметить, что влияние языка на мышление становится фактором, который дифференцирует познавательный опыт, а не ограничивает его. Конкретная языковая система становится способом кодирования информации, которая поступает извне. Различия в кодировании данных объясняются разнообразием инструментов языковой системы. Но разнообразие вербальных средств, которыми пользуются носители языков, не является показателем несоизмеримости концептуальных систем. Скорее, специфичный способ кодирования событий внешнего мира моделирует соответствующий акт рассуждения, который может корректироваться с появлением новых языковых данных. Например, изучение специфики концептуализации снега в языке эскимосов может дать возможность для моделирования нового рассуждения о снеге и связанных с ним мыслях. Или изучение семантики, сопряженной с абсолютной пространственной ориентацией, может стать возможностью для появления нового типа отношений между языковыми элементами и событиями из окружающего мира для оценки своего положения в пространстве.

С учетом того, что язык – это когнитивный инструмент, связанный с дискурсивной обработкой поступающих перцепций, появляется возможность исследовать и сам когнитивный инструмент методами нейронауки, показывая, как специфические лингвистические средства языков могут влиять на связи нейронов в головном мозге. К примеру, недавнее исследование коннектома, проведенное Институтом Макса Планка, показывает различие связей между нейронами в головном мозге у людей, говорящих на немецком и арабском языках. Как пишет группа исследователей, у испытуемых, родным языком которых был немецкий, отмечаются более сильные связи между нейронами в зоне левой нижней лобной извилины, отвечающие за синтаксическую генерацию и интерпретацию синтаксической формы. Данное явление авторы связывают со свобод-

ным порядком слов, который поддерживает немецкий язык. Носители арабского языка не демонстрируют таких сильных связей в этой области, но показывают более сильные связи между нейронами в левом и правом полушарии, чего нельзя увидеть у испытуемых, говорящих по-немецки. Такие результаты авторы связывают с особенностями чтения на арабском языке (справа налево), а также с морфологическими особенностями арабского языка, где корень слова будет выражать семантическое значение, а образец слова – давать фонологическую оболочку, что приводит к постоянному «блендингу» в употреблении морфологических компонентов [Wei *et al.* 2023: 8].

Выводы

Главная задача статьи заключалась в анализе различий интерпретаций взаимоотношения языка и мышления, которые предлагаются слабой и сильной версиями гипотезы лингвистической относительности. Если сильная версия трактует язык как посредник, конструирующий познавательные операции и определяющий видение мира носителя, то слабая версия осмысляет язык как способ кодификации внешнего мира. С развитием идей лингвистической относительности в современных исследованиях интерпретация влияния языка на мышление меняется: вербальные средства позволяют проводить связи между реальностью и ее ментальным отражением для моделирования рассуждения в процессе когнитивной деятельности.

В статье мы рассматриваем гипотезу лингвистической относительности как одну из концепций трансцендентализма посредника. В качестве основы для введения данного тезиса мы использовали значение языка для познавательного акта, которое разделяют все версии лингвистического релятивизма. Язык понимается как ментальная структура, которая уже содержит в себе компонент знаний о мире и может воздействовать на мышление индивида. В статье мы отметили, что трансцендентализм И. Канта изучает «чистые» познавательные способности субъекта, поэтому язык, в связи с его социокультурным усвоением, не может выступать таким началом. Язык можно рассматривать как структуру, которая определяет видение мира после ее приобретения, что в статье было названо «трансцендентализмом посредника».

Сильная версия гипотезы лингвистической относительности в нашей статье проанализирована как одна из версий трансцендента-

лизма. На основе анализа аргументации Б. Уорфа и Э. Сепира мы продемонстрировали, что идеи трансцендентализма посредника, которые встречаются в аналитической и континентальной философии, повторяются и в работах данных авторов. Упомянутые мыслители рассматривают язык как шаблон или как структуру, которая определяет классификацию и категоризацию мира. Понимая язык и мышление как спаянные структуры, где первая становится посредником между миром и познавательным субъектом, Б. Уорф и Э. Сепир приходят к выводу о том, что специфические формы конкретного языка исчерпывают мыслительный акт и ограничивают познавательный опыт субъекта. Это ведет к тезису о несоизмеримости концептуальных систем различных языков.

Когнитивная наука смещает ракурс исследования проблемы и рассматривает более сложные и многоуровневые взаимоотношения между языком и мышлением. Например, современные исследования выделяют перцептивный уровень как отдельный и универсальный уровень, который производит обработку ощущений, необходимых для формирования ментального представления. Язык впоследствии предоставляет вербальные средства и кодирует перцептивное восприятие, встраивая представление в языковую систему. Как мы показали, такая теоретическая основа актуализирует проблемы лингвистической относительности на современном этапе исследования и приводит к пересмотру аргументации концепций Б. Уорфа и Э. Сепира с позиции слабой версии гипотезы. Язык в данных концепциях становится одной из необходимых систем, обеспечивающих архитектуру сложного познавательного процесса.

Таким образом, стратегия изучения проблемы взаимоотношения языка и мышления трансформируется в наиболее приемлемый и мягкий вариант гипотезы лингвистической относительности. Изначально обширные и эпистемологически значимые философские тезисы о влиянии языка на мышление специфицируются, трансформируются с наступлением эпохи когнитивизма, показывая сложность устройства когнитивных процессов. Скрупулезное и филигранное изучение уровней, инструментов как мыслительного, так и языкового процесса ведет к появлению новых концептуальных оснований для проработки рассматриваемой проблемы. В настоящий момент наука не пытается обосновать эпистемологический тезис о коррумпированности мышления языком, а признает, что язык встроен в мыслительный процесс и необходим для интерпретации мира человеком, поэтому мысль о том, что различные вербальные

средства могут специфицировать модель рассуждения, становится обоснованной. В современных версиях концепций язык не становится «первой скрипкой» мышления, а действует со всеми инструментами в унисон, показывая сложность устройства мыслительных операций и универсальность использования языка для когнитивной активности.

Также отметим, что понимание языка как когнитивного инструмента поддерживается как концепцией лингвистического релятивизма, так и универсальной грамматикой. Но интерпретация, свойственная каждому направлению, должна отличаться: в лингвистическом релятивизме данный тезис говорит о специфичном использовании языковых форм при построении мыслительных процессов, а в универсальной грамматике под языком как инструментом мышления понимается общая для всех индивидов глубинная интериоризированная структура, которая используется для работы нашего интеллекта.

Литература

Алпатов В. М. Что и как изучает языкознание // Вопросы языкознания. 2015. № 3. С. 7–21.

Бородай С. Ю. Язык и познание: Введение в пострелятивизм. М. : ЯСК, 2020.

Бородай С.Ю. Когнитивная лингвистика в контексте эпистемологии // Философский журнал. 2025. Т. 18. № 4. С. 5–22.

Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа. 2-е изд., испр. и доп. М. : Едиториал УРСС, 2004.

Вострикова Е. В., Куслий П. С. Язык как динамическая система: наследие Вильгельма фон Гумбольдта и современное языкознание // Эпистемология и философия науки. 2020. № 1. С. 110–130.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М. : Прогресс, 1988.

Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 2000. С. 37–298.

Куслий П.С. Роковая связка: об одной попытке обосновать лингвистическую относительность // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60. № 3. С. 210–223.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. М. : Языки славянской культуры, 2004.

Сепир Э. Бессознательные стереотипы поведения в обществе / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Прогресс, Универс, 1993а. С. 594–610.

Сепир Э. Грамматист и его язык / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Прогресс, Универс, 1993б. С. 248–258.

Сепир Э. Язык // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Прогресс, Универс, 1993в. С. 26–203.

Смирнов М. А. Философия Канта и «лингвистическое кантианство» // Кантовский сборник. 2018. № 2. С. 32–45.

Уорф Б. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике. 1960. Вып. 1. С. 183–198.

Уорф Б. Наука и языкознание. О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на наше мышление // Языки как образ мира. Антология / под ред. К. Королева. М. : АСТ, 2003а. С. 202–220.

Хомский Н., Бервик Р. Человек говорящий. Эволюция и язык. СПб. : Питери, 2019.

Everett D. Language: The Cultural Tool. New York : Pantheon Books, 2013.

Lee P. The Whorf Theory Complex: A Critical Reconstruction. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 1996.

Levinson S. Space in Language and Cognition: Explorations in Cognitive Diversity. Cambridge : Cambridge University Press, 2003.

Wei X., Adamson H., Schwendemann M., Goucha T., Friederici A. D., Anwender A. Native Language Differences in the Structural Connectome of the Human Brain // Neuroimage. 2023. Vol. 270. Pp. 1–12.

Whorf B. L. A Linguistic Consideration of Thinking in Primitive Communities / B. L. Whorf // Language, Thought, and Reality. Selected Writings of Benjamin Lee Whorf. Cambridge, MA : Technology Press of Massachusetts Institute of Technology, 1956. Pp. 67–73.